

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

ДЕКАБРЬ

МОСКВА
1938

Из переписки

А. П. Чехова и О. Л. Книппер

Окончание ¹

★

73. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

27 сент[ября] 1903 г. Ялта.

Дусик мой, лошадка, я уже телеграфировал тебе, что пьеса кончена, что написаны все четыре акта. Я уже переписываю. Люди у меня вышли живые, это правда, но какова сама по себе пьеса, не знаю. Вот пришло, ты прочтешь и узнаешь.

Вчера были Михайловский и Панов. Первый много рассказывал, я с удовольствием слушал, второй помалкивал. Потом приезжал Костя. Он, хотя и не согласен с чем то, но повидимому доволен. Михайловский очень мне его расхваливал.

А третьего дня приехал неожиданно твой необыкновенный друг рыжеусый Шапошников. Сегодня он был опять, обедал и после обеда уехал с Машей в Су-уксу, к Соловьевой. Скучен он донельзя, до того, что, слушая его, хочется высунуть язык.

Если бы ты, лошадка, догадалась прислать мне телеграмму после первого представления «Юлия Цезаря»! Вишне-вый сад я пишу на той бумаге, которую мне дал Немирович; и золотыми перьями, полученными от него же. Не знаю, будут ли от этого какие перемены.

Ах, бедный Володя, зачем он слушает своих родственников! Певца из него не выйдет ¹, а адвокат, хороший и

усердный, уже выходил из него. И почему вас так пугает карьера адвоката? Разве порядочным адвокатом хуже быть, чем петь в театре тенорком в течение десяти лет, по 4.500 р. в год, а потом уходить в отставку? Очевидно, вы понятия не имеете о том, что значит присланный поверенный, адвокат.

На море качает, но погода хорошая. Панов уже уехал. Он и Михайловский будут на первом представлении «Вишневого сада» — так они говорили.

Шнапу поклонись и поблаговари его от моего имени, что он не напугал тебя, что шея его не исковеркана. Шарик доволен жизнью. Тузик временами впадает в пессимизм.

Тебя пишет Средин? Да, это удовольствие, но удовольствие, которое можно претерпеть только раз в жизни. Ведь ты уже писалась им, Срединым!

Ну, лошадка, глажу тебя, чищу, кормлю самым лучшим овсом и целую в лоб и в шейку. Господь с тобой. Пиши мне и не очень сердись, если я тебе буду писать не каждый день. Теперь переписываю пьесу, стало быть, заслуживаю снисхождения.

Кланяйся всем.

Твой А.

1. Предсказание Чехова не сбылось. В. Л. Книппер (Нардов), заслуженный артист республики, в течение длинного ряда лет работал на сцене, как певец, а в настоящее время — педагог.

74. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

27 сент[ября] 1903 г. Москва, утро.

И письмо и телеграмма вчера — какая роскошь! Поздравляю с окончанием пьесы, дорогой мой, половинка моя! Как я счастлива, как я рада! Как бы я тебя целовала и умилялась, если бы была около тебя! Все значит хорошо?

А сегодня снег идет хлопьями, большими зимними хлопьями. По улицам от слякоти нельзя будет ходить. А тебя солнышко греет, сидишь в зелени. А я все мерзну.

Ты ждал от меня телеграммы из Москвы? Дусик, еслиб я только знала, я прислала бы. Но ведь ты презираешь такие зрящие телеграммы и я не хотела доставить тебе неудовольствие и все писала открытки. Ведь ты их все получил? Был ли у тебя Шапошников?

Вчера обедали у меня Иван с Софи. Володя уехал в Лефортово. Жаль, а я ему приготовила сюрпризик, отдала родителям. Иван страшно занят и утомляется. Беседовали оживленно, кушали с аппетитом, ушли они после 7-ми, а я отправилась в театр смотреть черновую репетицию 5-го акта Цезаря. По моему красиво будет здорово. Декорация — поле битвы удивительна. Масса воздуха, даль и как то величаво. Внизу в люке проходят легионеры и видны их головы, шлемы копья. Ставили палатку Брута — тоже красиво. Под звуки лютни поет Люций — Асланов, мягким тенором, очень музыкально. Поэтично. Музыка Манькина. Жду с нетерпением генераль-

ной репетиции завтра, которая верно продлится с 7-ми до 2-х ночи. Напишу тебе тогда все.

Шнап грызет зубочистку и заигрывает со мной. Вчера днем я ходила к Зинаиде Сергеевне, сказать ответ о зале, но не застала ее. Шла назад, через Каретный ряд, встретила твоего друга Членова, кот. пошел со мной, говорил о том, что он хочет читать эту зиму. Проходили мимо новой квартиры Алексеевых — там как раз фуры и Егор распорядается; обрадовался мне и тут же начал умолять, чтобы ты ответил ему на его письмо. Ты ответишь?

Утром вчера разбирала фотографии, стелили ковры. Сегодня попрошу Николашу выбрать мне инструментик, а то скучно без музыки.

Костя верно очень работает, и оттого не был у тебя. А мне это грустно. Хочется, чтобы он бывал почаще у тебя. Я ему еще не писала.

Про Татаринова я уже здесь слышала.

Буду ждать Куркина. Вишневному передам, что велел. С адским нетерпением буду ждать Вишневого сада, и буду смаковать каждое слово. — Кошку я отдала Марьюшке, это ее отрада, а если хочешь привези ее в Москву, я разрешаю.

Целую тебя и обнимаю, ты мой Вишневый сад. Кому кукиши теперь показываешь?

Твоя Оля.

75. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

28 сент[ября] 1903 г. Москва, утро.

Здравствуй милый мой, дорогой мой! Видишь — я прилежна пишу каждый день. Как все таки хорошо в этой квартире — есть твоя комната, стол письменный, следы твоего пребывания, мне это приятно. — Снежок лежит на крышах, ноль.

Вчера я слушала чтение Цезаря и очень волновалась. Мне кажется что должно быть красиво. Третьего дня я видела декорацию 5-го акта, вчера слышала чтение — и то и другое мне нра-

вится. Есть простота и величавость. Качалов очень хорошо читал. Каждая фраза точно из свинца отлита, красивая, рельефная. Кассий — Леонидов немного шипит, у Вишневого слышны прежние и обыкновенные его недостатки но за то темперамент искренний. К. С. местами нравится, возьмет красотой и пластичностью. Савицкая немного искусственно тонирует, Бутова неопытна, не понимает что в такой короткой сценке надо дать одну рельефную хорошую ноту а не пестрить интонации. Мне бы хотелось играть Калфурнию. Сегодня смотрю ге-

неральную наконец. Вечером я опять была в театре и видела К. С. уже без усов¹. Помолодел, похож на более молодого Карабчевского, но в общем смешно. Во всей белой голове только две черные брови. Ты будешь закатываться. Днем во время чтения, в перерыве я сообщила о твоей телеграмме и известие было принято аплодисментами. Вишневному передала, что велел.

Сегодня К. С. обедает у меня. Закачала уху с растягачиками, цветн. капу-сту, ростбиф и шоколад.

Заходил ко мне Толя Средин. Здесь он как-то манерами очень напоминает отца.

Ужасно голо у меня в комнате, потому что нет драпировок. Завтра куплю солдатского сукна и завешаю.

Маклаков просил передать что с земель в Воскресенске все улажено и можно покупать.

А вдруг бы это состоялось?!...

Мимо, читатель, мимо...

Получила от Набольца целую кипу

фотографий «Дна», только те, где я сама. Приедешь — увидишь.

Скажи чтоб Костя написал мне о своих делах. Я все о нем подумываю. Хочется знать.

Прочти в Театре и Искусстве об'явление на самой последней странице, на обертке, сверху. Посмеешься.

Скажи мамаше, что я ей на днях пришлю свою фотографию, а то у нее нет.

Как ты кушаешь, как настроение? Забор делают? Поправились ли Машины нервы после моего отъезда? Обнимаю и целую тебя, моего дорогого. Псы-янс раскладываешь? Дусик мой нежный!

Твоя лошадка.

1. В книге своих воспоминаний «Из прошлого» В. И. Немирович-Данченко отмечает, что Станиславский расстался с усами нелегко и только потому, что Брут, роль которого исполнял Станиславский, с усами был невозможен.

76. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

29 сент[ября 1903 г. Ялта].

Необычайная жена моя, хорошенькая, гладенькая лошадка, здравствуй! Пьеса уж окончена, но переписываю медленно, так как приходится переделывать, передумывать; два-три места я так и пришлю недоделанными, откладываю их на после — уж ты извини. Пьесу, по всей вероятности, привезет Маша.

Брат твой опять не показывается. Я кашляю меньше, чувствую себя здоровым, только часто злюсь (на себя) и ем не особенно много, без аппетита. Костюм меняю каждый день, умываюсь по старому, сплю очень хорошо, зубы чищу, мармелад ем.

Вчера вечером пошел дождь, дуся моя, стало хорошо, свежо, тихо. Розы цветут. Вообще никто не бывает. Впрочем была Софья Павловна [Бонье], твоя подруга. А ты стала ходить по театрам? Да еще на пьесы Тимковского? Ведь Пасхалова уже старая актриса, моя ровесница по крайней мере, она играла когда то у Корша; это актриса совер-

шенно провинциальная, неинтересная и я не знаю, почему это так о ней заговорили. Вот еще: она урожденная княжна Чегодаева, жена того господина, который убил Рощина-Инсарова¹.

Я тебя люблю, дусик.

Если бы здоровье мое поправилось, то я отправился бы куда нибудь в дальнее плавание. Это необходимо, ибо дома закинешь, станешь Тимковским.

Скажи Бунину, чтобы он у меня почесался, если нездоров; я его вылечу.

Ну, лошадка, целую тебя в шейку и глажу. Ах, если бы ты в моей пьесе играла гувернантку. Это лучшая роль, остальные же мне не нравятся.

Будь здорова и весела, Христос с тобой.

Твой А.

1. Н. П. Рошин-Инсаров (Пашенный) — актер. Убит был в 1899 г. на почве ревности к Пасхаловой ее мужем, художником Маловым. В воспоминаниях Горького посвящена страничка Малову, как исключительно отгакивающему человеку.

77. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

29 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Ну-с, смотрела я вчера генеральную Цезаря, но не всю. Дусик мой, дорогой, отчего ты не мог смотреть вместе со мной, чтоб поделиться впечатлениями! Я устала от впечатлений. Просто устала. Я еще не могу разобраться. Знаю одно — удивительная красота постановки, красота, простота, величавость. Когда раздвинулся занавес, когда со сцены хлынула волна южной, живописной уличной жизни, античной, когда проносили великолепного Цезаря, проходила сго блестящая свита — я чуть не завизжала от восторга, от неожиданности впечатления красоты. Все это точно жизнь вдохнули в древность, точно возродили давно погребенную красивую античную жизнь. И это впечатление не покидало меня. Сад Брута, декорации, позы, группы заговорщиков — все красиво и пластично, и это чувство красоты, как-то так много говорит, так захватывает, что я передать не могу. Сцена у Цезаря великолепна. Сенат и форум в особенности последний захватывает. Сенат весь белый, всюду мрамор, белые тоги сенаторов и среди них характерная фигура Цезаря в красной тоге. Ну понимаешь, я просто купалась в чувстве красоты и эстетики. Теперь об игре: Качалов чудесный Цезарь, как изваяние, каждое слово рельефно. Вишневский очень приятный, искренний Антоний, красиво ведет сцену над телом Цезаря и говорит умно на Форуме. Брут — Конст. Серг. отлично говорит речь на Форуме над телом Цезаря, просто красота, а остальную роль по моему слишком задушил голосом, слишком всю смягчил и утратил рельеф, ушел в что-то Гамлетовское и нет римлянина. [...] У Кассия Леонидова — характерная голова и было бы все хорошо, еслибы говорил своим настоящим красивым голосом, а то тоже шипит и напрягает голос. Каска — Лужский не важен.

1-ый акт удивителен: в начале — солнце, праздник, музыка, пляска, цветы, в конце гроза, облака ходят, вихрь, молния, гром, и взволнованный шопот заговорщиков, мелькающие тени. Порция — Савицкая приятна, красива. Калпурния — Бутова нехороша, т. е. для Бутовой это очень много, что она сделала, но для пьесы мало. Дальше Форума не играли вчера. В убийстве Цезаря есть что-то недоделанное что-то не то. Ну, хоть немножко понял из того что я писала? Как мне хочется чтобы ты это увидел поскорее!

Присутствовал Пчельников для цензуры. Была маманя, Мария Петровна, Савва Мамонтов.

Мне вчера так не хотелось идти домой в пустую квартиру после такого возбуждения, такой приподнятости и я долго сидела болтала с М. Петр., Стаховичем. [...]

Между главарями вышло несогласие в совещании после репетиции. Влад. Ив. находит что надо отложить спектакль, т. к. еще многое не готово; а главное антракты убьют. Алекс. Леонид. ни за что не соглашается, т. к. деньги иссякают. Конечно, когда я посмотрю во второй раз — найду недочеты, мелочи, но общее впечатление — чудесно.

Вчера я сидела дома. Обедали у меня Конст. Серг., мама, Ольга Мих., Николаша, пришел д. Саша и на взводе и смешил К. С., который его видел, оказывается, в первый раз.

Не теплеет. Крупа какая-то идет с неба. Гриневский знает в Петровск. парке очень хороший дом, теплый, удобный. На днях даст знать и я поеду смотреть.

Ну, дусик дорогой вот я тебе все высypала. Адски жду «Вишневый сад». Будь здоров Антончик мой, береги себя. кушай, не хмурься, будь покоен. Целую тебя много и нежно [...] золотой мой.

Твоя Оля.

78. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

30 сент[ября] 1903 г. Ялта].

Радость моя, сейчас получила от тебя посылку. Спасибо тебе, тысячу раз спа-

сибо! Гамаша уже надел и чувствую в ногах необычайную теплоту, и это очень кстати, так как сегодня здоровье мое не

того, пишется совсем скверно и даже сказал в телефон Альтшуллеру, чтобы он пришел. Аппетита нет, кашель. Слава богу, что хоть сплю хорошо. Альтшуллер вероятно залепит мушку.

Вчера я томился, не работал и, если моя пьеса опоздает дней на пять, то простите бога ради. С Машей едва ли успею послать.

Наш Шарик подрастает, говорят, что он хорошо лает, но я лая его не слышал еще ни разу. Сегодня пасмурно, прохладно. Каменный забор вокруг двора становится все выше и выше; кажется, так уютнее. Оттого, что на дворе холодно, в комнатах стало мух много, надоели.

После первого представления «Юлия Цезаря» пиши мне подробнее, я ведь очень и очень интересуюсь, дуся.

Сегодня в нашей газете крупными буквами напечатано, что флот ушел в

Корею с запечатанными пакетами... Ой, уж не война ли? ¹

Будь здорова, моя лошадка, будь весела и кушай себе овес. Мне без тебя томительно скучно. Температура 37,5.

Мелкий дождик. Храни тебя, создатель. Обнимаю.

Твой А.

1. Чехов не ошибся: подготавливалась война с Японией, разразившаяся несколько месяцев спустя. После поездки в 1890 г. на Сахалин Чехов проявлял усиленный интерес к Дальнему Востоку и в иных случаях прозревал грядущие события много раньше профессиональной дипломатии. Так, за девять лет до русско-японской войны, когда стало известно о приобретении Россией Порт-Артура, Чехов написал Суворину: «Не было у бабы хлопот, так она купила поросю. И мне кажется, что с этим незамерзающим портом мы наживем себе массу хлопот. О! обойдется нам дороже, чем если бы мы вздумали завоевать всю Японию».

79. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

30 сент[ября] 1903 г. Москва] утро.

Как я заволновалась, дорогой мой, когда прочла в твоём письме что тебе нехорошо отчумывания! Ведь я виновата в этом!

Боже, какая я дура, какая я нелепая дура! Никуда я не гожусь. Прости меня, родной мой! Ты теперь скверно думаешь обо мне, не будешь ни в чем верить?!

Теперь тебе лучше, все таки? А как мне тоскливо здесь одной! Холодно и нехорошо. И в природе зима, настоящая мягкая зима, второй день сыпит пушистый снег и появились санки. Вечером вчера шел удивительно красивый снег, точно бриллианты сыпались.

Я рада что Костя об'явился наконец. Скажи ему что я его целую и очень люблю. Как и где он познакомился с Михайловским?

Вчера было очень холодно и снежно, а я много бегала по улицам в кофтенке и весь вечер в театре неистово зябла. Обедала у мамы, вдвоем. Заходила в меховой магазин узнать о мехе. Сказали

что самый теплый и легкий — крестоватик или недопесок, от 60 р. и дороже. Мягкий, приятный, светленький мех. Себе еще не заказывала шубейку.

Была М-те Фейгина из Питера. Жалуетя на петерб. гимназии. Мальчики не могут привыкнуть к духу чиновничьему. Директора должны называть Ваше превосходительство. Вообще все тоскуют о Москве.

Да, был редактор молоденький, журнала Природа и жизнь, просит твоего сотрудничества, принес журнал. Я ему посоветовала написать тебе, но не обнадежила его. Получил ли ты? Я даже фамилии его не знаю.

После завтра открытие нашего театра. Что-то будет! Пришлю тебе телеграмму. Вчера смотрела конец Цезаря. Конечно Брут и Кассий слабоваты, не чувствуешь железных характеров. Но красиво удивительно. Дух Цезаря великолепно устроен. — Целую моего дорогого, ненаглядного мужа, обнимаю и еще раз прошу прощения.

Твоя Оля.

80. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

1 окт[ября] 1903 г. Москва, утро.

Вот и Покров! Снег, снег и снег, все бело, на улицах нет грохота, слышны голоса людские, как то интимнее стало на улицах. Фигуры с'ежившиеся от неожиданной зимы; гимназисты уже пробуют снежки. Улицы взрыты, работы приостановлены и, как пишут, так и останутся взрытыми всю зиму. Вообще Москва так гадка, так неудобна, так грязна и некрасива, что жить противно. А извозчики! О ужас! Вчера и пешком трудно было идти, на тротуарах не скалывали и люди падали, а на мостовых лошади падали. Все это противно до нельзя. Вспоминаешь времена Алексеева и Власовского¹.

А снег все идет. Колокола звонят. Ждут прибытия Вишневого сада.

Пришла Эля, славненькая свеженькая. Поедем с ней в Петровский парк. Про Володю ты прав, я с тобой согласна. Но мне кажется заграничный профессор его не будет прочить в пещы и он тогда успокоится. Посмотрим что будет.

Вчера была генеральная Цезаря. Полна зала публики набралась. Всем нравится, все говорят что подобного не даст ни один европейский театр. От Качалова все без ума. Эфрос соблаговолил поговорить со мной, но глядел в сторону. Я улыбалась.

Спектакль длится невозможно долго.

Сделают еще купюры. Была Надежда Ив., мама и все в восторге, только слишком длинно, тем более что главный захват — это Сенат и Форум, а там идут уже и по Шекспиру менее захватывающие сцены. [...] Вишневский вчера перенервил, перекричал, но это ничего. Значит играть будет хорошо. Кончился Цезарь около 2-х часов, и это еще без вызовов, без аплодисментов. Завтра кончим в 1 час, я думаю.

Как мой дусяк живет? Вот были вместе, жили одной жизнью, тихой, идиллической, а теперь я метусь, и нервлюсь, хотя еще не очень. Все находят меня пополневшей, отлично выглядывающей (какое ужасное выражение — о литератор, прости).

Скоро примемся за излюбленного автора нашего, будем рассыпать Чеховский жемчуг перед публикой, будем кружево плести, кружево тончайшей психологии людской. О, как я пишу, что со мной?! Ты не сердись? Целую мою красивую милую голову, чудные глаза мои. Обнимаю и благословляю. Нежный мой!

Твоя лошадка Оля.

1. Алексеев был в Москве городским головой, Власовский — обер-полицеймейстер; оба — деспоты и самодуры, бесконтрольно хозяйничавшие в городе.

81. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

2 окт[ября] 1903 г. [Ялта].

Здравствуй, лошадка, спасибо тебе за письмо об «Юлии Цезаре», о репетиции, ты хорошо написала, я очень доволен. Жду все новых и новых писем, недовольное я животное. Пиши, дуся, пиши, родная.

Сегодня у меня температура нормальная. Альтшуллер прописал такие пилюли, что теперь я буду по семи дней не бегать, не надевать халата. Осталась слабость и кашель. Пишу ежедневно, хотя и понемногу, но все же пишу. Я пришлю пьесу, ты прочтешь ее и увидишь, что можно было бы сделать из

сюжета при благоприятных обстоятельствах, то есть при здоровьи. А теперь один срам, пишешь в день по две строчки, привыкаешь к тому, что написано и проч. и проч.

У нас летняя погода, цветут розы. Вчера вечером забегал твой брат.

Меня стали откармливать. Напихали полный живот.

Вчера Альтшуллер долго говорил со мной о моей болезни и весьма неодобрительно отзывался об Остроумове, который позволил мне жить зимой в Москве. Он умолял меня в Москву не ездить, в Москве не жить. Говорил, что Остроумов вероятно был выпивши.

Платье чистят каждый день. Твое мыло, которое ты прислала, превосходно; завтра буду голову мыть порошком. Как я рад, что я женился на тебе, мой мордасик, теперь у меня все есть, я чувствую тебя день и ночь.

У халата я отрезал пояс наполовину, а то бывали неприятные пассажи. Писал ли я, что мать в восторге от твоих подарков? Я научил ее пасьянсу тринадцать в таком виде, как мы с тобой раскладывали.

Господь с тобой. Целую тебя, обнимаю, хлопаю по спинке [...]. Будь здорова, моя лошадка.

Твой А.

Опиши первое представление поподробнее.

Пришла Варвара Константиновна, а Маше и матери надо уходить в город по очень важному делу. Вот как тут быть теперь?

82. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

2 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Голубчик мой, как ты живешь? Как пьесу переписываешь? Как самочувствие, настроение? Кто был у тебя за это время? Получаешь ли все мои письма? Аккуратно? Я ни одного дня не пропустила.

Шнап вроде безумного кидается, бросается по комнате, все хочет кусать. Очень порывистая натура и я боюсь когда он с разбега налетает на меня.

Вчера я ездила с Элей по электричке в Петровский парк, смотрели домик, в котором они когда жили летом, но он зимний. Рядом с электричкой. Весь в саду, славенький, чистенький, с паркетными полами, с печами, камином, с террасой, пахнет в нем деревом. Наивный и славенький. В нем жили 2 года зимой. Снег шел все время и сегодня опять сыплет. Цена домику 900 р., по моему дорого, т. е. это в год, а не на зиму. Продрогли мы с Элей адски, ибо ездили не в шубах.

Обедали у мамы очень вкусно и приятно, шутили и смеялись. Потом с Элей же поехали к Срединным отвозить билеты, которые по растерянности моей мо-

сковской забыла у мамы, и Марию Григорьевну дома не застали. Все вышло по глупому.

Весь вечер сидела дома одна, играла, отогревалась, и читала Анну Мар из Одинок. Прочла Найдену «№ 13» в двух картинах. Хорошо. Прислал ли он тебе?

Дусик, если Маша еще не уехала попроси ее привезти несколько бутылок Ай-Ян, и захватить мою чайную ложечку, к которой я привыкла. Получил ли посылку? Удобна ли гребеночка мамаше? Напиши.

Вчера был Куркин и к несчастью не застал меня дома. Жаль.

Пойду заказывать шубку, а то ходить не в чем, еще распростужусь, пожалуй. Я тебе далекой кажусь? Милый мой, родной мой. [...]

Сейчас прервал меня Куркин, поговорили с ним, я дала карточку к Морозову, и дам к Мешкову пропуск, только вот узнаю где он. Ну, до завтра, милый мой, сиди побольше на воздухе, в саду, а не у себя в кабинете, без воздуха.

Целую и обнимаю тебя нежно.

Твоя Оля.

83. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

(Телеграмма)

[3 октября 1903 г. Москва].

Победа успех солидный ободели от красоты привет Оли.

84. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

3 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Зачем, лошадка, ты в таком обидном тоне пишешь насчет обливаний? Альт-

шуллер запретил их, правда, но все же от запрещения его тогда мне не стало лучше и обливания я возобновлю не-

пременно, как только припру в Москву. Теперь мне стало лучше, хотя кашель, особенно по утрам, дает себя знать и скоро утомляюсь. Все таки, повторяю, мне с каждым днем все лучше и лучше. Маша тебе расскажет, как я теперь ем. Е.м, как тигр.

Если понадобятся деньги, то возьмешь у Вишневого в кассе, в счет будущих благ. Жду телеграммы насчет «Юлия Цезаря». Уже солнце садится, а телеграммы все нет.

Только что были у меня Михайловский и знаменитый Тейтель, следовательно из Самары, еврей. Тейтель будет у тебя в Москве, чтобы устроиться как нибудь насчет театрального билета. Был и твой брат, усталый, но веселый, мы его покормили ужином.

За пьесу не сердись, дусяк мой, мед-

ленно переписываю, потому что не могу писать скорее. Некоторые места мне очень не нравятся, я пишу их снова и опять переписываю. Но скоро, скоро, лошадка, я кончу и вышлю. Как только вышлю, дам знать по телеграфу. Я ведь не так скуп, как ты, богатая актриса; от тебя телеграммы сегодня я так и не дождался.

Дуся, прости за пьесу! Прости! Честное слово, я кончил ее и переписываю.

Маша расскажет тебе, как я растолстел. К тебе придет муж-толстячок вот увидишь. Сплю я превосходно. Снятся летучие мыши.

Ну, лошадка, хлопаю тебя по спине [. . .] целую и обнимаю. Будь здорова и крепка, не забывай своего толстого мужа.

А.

85. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

3 октября [1903 г. Москва], утро.

Ну вот и сыграли Цезаря, дорогой мой! Сколько волнений! У меня чувство точно я играла всю пьесу сама. Так жила со всеми участвующими! Смотрела ровно три раза и еще пойду. Впечатление не ослабевает. Это прямо что-то колоссальное. Честь и слава Владимиру Ивановичу! Ты просто поразишься. Как я счастлива, что мое предчувствие оправдалось! Я очень стояла за постановку Цезаря. В публике только одобрения. Всех просто подавляет красота и сила впечатлений. Конечно публика «первых представлений» отнеслась сравнительно холодно. Не было шуму и треску. Только после Форума поднялась овация, и после конца. Беда в том что и у Шекспира после Форума трагедия идет на убыль и в зрителях впечатление также ослабевает. Да это и понятно.

Нервы так подняты на Форуме, что дальше идти некуда. Меня лихорадка треплет когда я смотрю Форум. Вишневский был очень хорош вчера и многие прослезились. От Качалова все с ума сходят. Брут был лучше гораздо вчера; Леонидов нравится. Влад. Ивановичу поднесли венок. Он кажется так устал что не понимает ничего. В Эрмитаж ездили все таки: я тоже подбивала, прости, но не могла вернуться одна в пустую квартиру.

Вообще я совсем не знаю куда девать себя если я не занята в театре. Меня ужасает одиночество и никому ненужное существование мое. Вообще во мне сегодня все ходуном ходит, как говорят. Я счастлива что 5-го играю. Скорее бы за дело, скорее Вишневый сад.

Целую, обнимаю крепко.

Оля.

86. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

4 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Дусяк мой хороший, половинка моя, пишу тебе на красивой бумаге, и, кажется, бумага неудачная, по ней трудно писать, да и читать не легко. Сегодня отправил Машу, сегодня же утром полу-

чил от тебя телеграмму насчет Юлия Цезаря. Ты и представить себе не можешь, лошадка, как ты обрадовала меня этой телеграммой. Стало быть, успех? И большой успех? Молодцы! И письмо твое сегодняшнее такое хоро-

шее, ароматичное, его можно раз десять прочесть и оно не надоеет. Пиши же мне, моя толстенная жена, пиши, я ценю!

Я тебя люблю, лошадка.

87. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

4 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Дусик милый, мне ужасно беспокойно за тебя. Тебе все нездоровится. Зачем я уехала? Что сказал Альтшуллер? Он меня ненавидит, и я его понимаю.

Сегодня туманно, сыро, моросит, все тает, такая гадость, что на свет глядеть не хочется. Какая я непригодная для жизни! Бесхарактерная, бессильная. Прости что так пишу, но на душе уж очень подло.

Вчера утром пробовала «говорить» свои роли. Конечно начала с 4-го акта «Сестер» — разревелась сильно. Начала читать заключительные мои слова и жаль стало, что их вымарали, такие чудесные слова! ¹ Скорее бы играть, жить и чувствовать за других. Ты смеешься надо мной?

Вчера Гриневский возил меня в Парк смотреть дом, но увы — он занят уже, а во вторых его сдают за 4000 р. Целая роскошная вилла с полной обстановкой. У Гриневского верно смекалки нет. Я ему показала домик за 900 р. но и я и он убедились что для зимы непригодно.

Потом я заехала к Мерчанским к брату генерала. Он бедный совсем ослеп почти; рады были до слез когда я пришла; жену мне очень жалко. Он женился уже сильно пожилым на молоденькой и она так и зачахла и захирела с ним. Вспоминали давнишние времена, мое детство, целые полосы жизни. Потом я обедала дома одна, тоскливо; без супа. Пришла Эля и долго сидела у меня. Она ходит под сильным впечатлением Цезаря. Говорили с ней много о жизни, т. е. о ее жизни. Очень у них сложная психология происходит. Мне хотелось бы поговорить с тобой. Я давно чувствовала что у Эли на душе неладно и вчера она высказалась. Мне так стало грустно что я тебе передать не могу. Боже, все кругом страдают, все мучаются. Писать об этом трудно. Зачем я

Целую тебя и обнимаю. Христос с тобой.
Твой А.

Приеду я в конце октября. А певец немец наврет Володе с три короба, вот увидишь.

только молчала в прошлом году, когда я все это чувствовала и хотела говорить, да вот и промолчала. Не хорошо когда люди сдерживают порывы, не надо быть чужими друг другу.

Володя писал мне вчера, описывал «На дне», кот. он видел в Берлине. В общем совсем не хвалит, понравились только Клещ, Сатин и актер. Про свое пение он подробно писал маме. Профессор советует ему доучиваться и идти в оперу. Но Володя конечно ничего не решил и очень трезво смотрит на дело. Вот скоро приедет, посмотрим, послушаем.

Будь здоров и весел, мой дорогой Антон; отчего тебе особенно улыбается роль гувернантки? ² Не понимаю.

Отчего Маша не пишет когда приедет? Эберле все хворает, в театре ее нет. Зайду сегодня. Целую тебя крепко, не проклинай меня дусик.

Твоя Оля.

7-го вечером иду к Наталии Яковлевне Давыдовой чай пить. Я в театре на Цезаре сидела рядом с ней и с Якунчиковыми. Вся Нара была в сборе и Вика с мужем и с Гардениным.

Оля.

1. В заключительной сцене «Трех сестер», в рукописи Чехова, реплика Маши была гораздо пространнее того текста, который известен в печати. После слов: «Мы остаемся одни, чтобы начать нашу жизнь снова. Надо жить... Надо жить...» — далее следовало: «(с м о т р и т в в е р х). Над нами перелетные птицы, летят они каждую весну и осень, уже тысячи лет, и не знают, зачем, но летят и будут лететь еще долго, долго, много тысяч лет, пока, наконец, бог не откроет им тайны...».

2. Можно думать, что роль Шарлотты в «Вишневом саде» казалась Чехову наиболее удачной по той причине, что смешение элементов комического с драматическим, характеризующее пьесу в целом, с особенной рельефностью выражено именно в названном персонаже.

88. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

5 окт[ября] 1903 г. Ялта].

Дусик мой, лошадка, обращаюсь к тебе с просьбой. Если будет окказия, то пришли мне зубного порошку, возьми у Гетлинга (тимолевого) и пришли также мне мою фуражку, чтобы было что надеть в вагоне; если дома две фуражки, то пришли ту, что потеплее. Поняла?

Здоровье мое поправляется. Сегодня на мне мушка. Теперь возиться придется дня четыре с мазями. Принимаю пилюли, порошки и капли, ем как удав. Боюсь, что тебя с'ем, когда приеду. Сегодня был Первухин, ялтинский писатель; сидел долго. Был Л. Л. Толстой и тоже сидел долго. Сначала я был с ним холоден, а потом стал добрее, стал говорить с ним искренно; он расчувствовался. У его жены воспаление почек, уезжают в Каир.

6 октября. Продолжаю на другой день. Мать велит передать тебе, что гребенка ей очень нравится, только она,

гребенка, не сидит на голове; надо бы попроще.

Сегодня опять великолепная погода. Я встал с головной болью, долго возился с мушкой, которую надо было снять. Настроение хорошее, буду сегодня работать. Сейчас утро, я жду газет от 3 окт., буду читать про ваш театр. Окна у меня в комнатах открыты.

Пьесу скоро пришлю. Вчера совсем не давали писать.

Пришло твое письмо об Юлии Цезаре. Спасибо, дусик! Ты пишешь: «меня ужасает одиночество и никому ненужное существование мое». Насчет одиночества я еще понимаю, допускаю, но вот насчет ненужности существования — извини, ты не лошадка, а Шарик, так же много логики.

Я тебя люблю. Ты это знаешь?

Получил письмо от Горького.

Ну, будь здоровехонька, не хандри, не кукси. Кланяйся всем.

Твой А.

89. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

5 октября [1903 г. Москва] утро.

Начинаю, дусик, с дела, т. к. третий раз уже забываю написать об этом. Была у меня Щедрина из женск. медицинск. института, про кот. говорил Куркин. К Морозову я дала ей карточку, и он обещал весной дать 300 р. всего, говорит что все распределено на этот сезон. Мешкова нет в Москве. Я обещала ей устроить объявления в Русское слово, в Курьер, и будь добр, напиши Соболевскому чтобы он не отказался напечатать в Русских ведомостях воззвание что-ли, не знаю как назвать, и что пожертвования поступают или в редакцию данной газеты или в Петербург, Фурштадская, 20 Дмитрию Васильевичу Стасову, для недостаточных слушательниц женского медицинского института. Можешь ты сделать это? Соболевский меня мало знает и пожалуй мимо ушей пропустит. Будь милым. Ну вот и все дело.

Как твое здоровье, дорогой мой? Ты никогда не должен сердиться на этот во-

прос, а всегда отвечать совсем откровенно.

Вчера вернулась знакомая из Ялты и говорит что у Кости очень болен сын и Костя сильно волнуется. Слышал ли ты чтонибудь?

У нас все ползет, все тает, совсем конец Марта.

[...]

Вчера прошли все «На дне», сегодня играем. Был Горький в театре. Представь — он устраивает как бы филиальное отделение художеств. театра в Нижнем, набрал труппу, берет нашего Тихомирова как режиссера, набирает пайщиков по 100 р. меня приглашал, но у меня же ведь никогда 100 р. не водится. Горький подстриженный, и в тужурке, точно помолодел.

Была вечером вчера у Эберле. Она все лежит, у нее анемия мозга; как встанет, так поднимается рвота, головокружение сильнейшее. Она приходила в такое отчаяние что решила ехать в клиники вскрывать череп, как она выражается. Лечит Майков. Так ее жалко.

Хорошо что она не одна — ее женщины ухаживают за ней. В театре ее любят.

Иван Павл. с Софией Влад. были на 1-м представлении, я посылала билеты; они в восторге. — До завтра, родной мой, кланяйся Вишневному саду, и

скажи чтобы он зацветал скорее. Целую и обнимаю.

Твоя Оля.

Горький очень просит тебя дать рассказ в их сборник¹.

1. В сборник «Знания». Чехов отдал для сборника «Вишневый сад».

90. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ.

6 окт[ября] 1903 г. Москва] утро.

Милый мой! Я просто не знаю что писать тебе. Знаю, что ты нездоров, что я для тебя ровно ноль, который приедет, поживет с тобой и уедет. Такая ужасная фальшь в моей жизни, что я не знаю как мне жить. Как раз когда ты нездоров, когда я нужна тебе — меня нет. И здесь хожу бесприютная. Бичую себя, обвиняю со всех сторон, чувствую себя кругом виноватой. С чем-то я не могу совладать в жизни. Прости мне, что я плачусь, но я никак не могу писать и разговаривать весело, когда у меня чорт знает что на душе.

Ну, не обращай внимания на то что я пишу.

В Москву конечно не приезжай совсем. Надо слушаться когонибудь одного, доверяй тогда Альтшуллеру если ты ему веришь и считаешь его за такого отличного доктора. Умоляю тебя не при-

езжать, а то ведь все обрушивается на меня, что я гублю тебя, что я настаиваю на том чтобы ты жил здесь. Этого не может быть и я никогда не буду настаивать если нельзя. Я не настолько своевольный и капризный человек.

А конечно, я как жена, слишком беспокойна и безалаберна для тебя.

Вчера играла первый раз — не игралось. Было полно. Горький был, но публика не знала. Днем было собрание всей труппы.

После театра Сулержицкий пил у меня чай, рассказывал про то, как он сидел¹.

Ну, до свидания, целую тебя, будь здоров, дорогой мой.

Оля.

1. Л. А. Суллержицкий был арестован весной 1902 г., а осенью 1903 г. — освобожден.

91. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

7 окт[ября] 1903 [г. Ялта].

Дусик мой превосходный, очарование мое, здравствуй! Вчера приезжала ко мне Ольга Михайловна, красивая дама, нужно было поговорить о деле, о попечительстве в гузуфской школе; о деле мы говорили только пять минут, но сидела она у меня три часа буквально. Буквально, я не преувеличиваю ни на одну минуту, и не знаю, сколько бы она еще просидела, если бы не пришел отец Сергей. Когда она ушла, я уже не мог работать, внутри у меня все тряслось, а пьеса моя между тем еще не переписана, я еле еле дотянул только до середины III акта. Тяну, тяну, тяну и оттого, что тяну, мне кажется, что моя пьеса неизмеримо громадна, колоссальна, я ужасаюсь и потерял к ней всякий аппетит. Сегодня все таки я переписываю, не

беспокойся. Здоровье лучше, хотя кашляю попрежнему. Сегодня получил от Чирикова нежное, ласковое письмо. Он острит на двух страницах, но остроты его не смешны. Прислал мне фотографию свою и своей дочери, которую называет так: Новелла Чирикова. Но и это почему то не смешно. А малый добрый и теплый. Пришлет мне свою пьесу, которую очень хвалит Горький.

Когда будешь у Мюра, то купи пачку бумаги за 18 коп., на которой не пишут, и пришли мне с фуражкой при okazji. Сегодня буду мыть голову твоим порошком.

Зачем ты хандришь? Ведь это так несправедливо! Ты дома, ты у любимого дела, ты здорова, мужа нет, но он скоро придет. Надо быть умной!

Я еще не был в городе с тех пор, как ты уехала. А я не похудел с прош-

лого года, а чуть ли еще не пополнел: фуфайка (с пуговками около плеч) Егера тесна мне, очень тесна. Сегодня надел чистую рубашу. Костюм чистят каждый день. Перепадает дождик. Тепло. Ну, лошадка, прости, надо писать. Пре-

крашаю письмо. Будь здорова, миленькая моя, господь с тобой. Я пишу тебе часто, почти каждый день. Не ленюсь.

Целую тебя в затылочек.

Твой А.

92. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР.

8 окт[ября 1903 г. Ялта].

Дусик мой, писать воззвание от женских курсов нельзя, ибо мы имеем дело с частной просьбой курсистки Щедриной, а не с просьбой всех курсов. Ты посоветуйся с Гольцовым, он научит, что делать, или подожди моего приезда.

Ты пишешь, что вчера вернулась знакомая из Ялты и говорит, что у Кости очень болен сын и Костя сильно волнуется. Все вздор. У Кости сын был болен lapsus'ом recti, выпадением прямой кишки, общедетской болезнью, пустяшной, и давно уже Костя получил письмо, что сын его здоров. Повторяю, все вздор. У Кости манера: всем рассказывать ужасы.

В газетах о курсах уже писали с приглашением посылать пожертвования Стасову. Надо бы вот поскорее мою пьесу поставить и дать спектакль в пользу курсисток. А пьеса моя подвигается, сегодня кончаю переписывать III акт, принимаюсь за IV. Третий акт самый не скучный, а второй скучен и однотонен, как паутина.

М. Смирнова прислала мне письмо, но забыла приклеить марку. Пришлось платить штраф. Она просит меня написать ей; скажи, что писать мне запрещено, ибо я занят пьесой.

93. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

8 окт[ября 1903 г. Москва] утро.

Вчера я не писала тебе, потому что написала бы чорт знает что, да и сейчас не знаю — сдержусь ли. Я расползаюсь по всем швам, и очень трудно соображаю. Нутро кипит. Точку опоры потеряла. Ничего не могу читать, ничем увлечься — что-то торчит в голове, что мне мешает везде и всюду. Ты конечно улыбаешься снисходительно? Считаешь все за дурь? Я верно очень не культурный человек.

На дворе серо; голова тяжелая. Ко-

Получил письмо от Немировича.

Здоровье мое сегодня лучше, кашель меньше, но уже бегал два раза. Должно быть, ялтинская вода содержит в себе что нибудь этакое, что действует на меня расслабляюще. Вот уже правда истинная, дуся: если пьеса моя не удастся, то прямо вали вину на мои кишки. Это такая возмутительная гадость! Давно уже у меня не было нормального действия, даже не помню, когда¹.

Прости, лошадка, что я тебе наскучаю этой гадостью. Костя был вчера, мы долго разговаривали, он добрый, хороший человек.

Кто, кто у меня будет играть гувернантку?

Театр в Нижнем у Горького не пойдет. Это не горьковское дело и не тихомировское, хотя пусть Тихомиров поболтается по свету, это ему не повредит.

Поцеловать тебя, моя радость? Изволь. Целую в шею, в затылочек, в лоб и в губы. Не брани мужа, он еще постоит за себя.

Твой А.

1. Чехов не подозревал, что в то время у него туберкулез распространился уже и на кишечник.

фе пила в постели, читала газеты. И Новости и Курьер заняты тобой. У меня много номеров Освобождения и номерок Революционной России. Дала мне Эля, привезла из за границы. Вчера вернулся Володя из Дрездена, с подъемом, веселый привез маме письмо от профессора, кот. «с чистой совестью» советует Володе продолжать учиться еще два года. Володя пел в знаменитом Дрезденском Opernhaus'e и пел хорошо. Профессор говорит что надо еще год учиться и год составлять репер-

туар. Много его учеников поют там в опере. Еще ничего не решено, конечно, передаю тебе только то, что было. Нашел Володю очень и очень музыкальным. Не знаю что будет. Вчера вечером у мамы было сборище, я заезжала на часок, т. к. давно уже обещала Давыдовой. У нее ужасно мило: маленькая квартира, вся кустарным убрана. Все беленькое, свеженькое такое как она сама. Была Мария Федоровна, Вика, за которой позднее заезжал супруг. Говорили о Цезаре конечно [...].

Посылаю тебе рисуночек-карикатуру сделанную Владим. Яковлевичем на Давыдову. Они послали такую давно еще нам в Ялту и мы не получали. Я ужасно хохотала, тем более что видела такую сцену на шоссе около Нары.

94. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

9 окт[ября] 1903 г. Ялта].

Лошадка моя, не пиши мне сердито унылых писем, не запрещай мне приезжать в Москву. Что бы там ни было, а в Москву я приеду и, если ты не пустишь меня к себе, то я остановлюсь гденибудь в номерах. Мне ведь в Москве нужно не многое (если говорить об удобствах): место в театре и большой ватер-клозет. Дусик мой, здоровье мое гораздо лучше, я пополнил от еды, кашляю меньше, а к 1-му ноября, надеюсь, будет совсем хорошо. Настроение у меня прекрасное. Переписываю пьесу, скоро кончу, голубчик, клянусь в этом. Как пошло, буду телеграфировать. Уверяю тебя, каждый лишний день только на пользу, ибо пьеса становится все лучше и лучше и лица уже ясны. Только вот боюсь, есть места, которые может почеркнуть цензура, это будет ужасно¹.

Родная моя, голуба, дуся, лошадка, не беспокойся, уверяю тебя, все не так дурно, как ты думаешь, все благополучно вполне. Клянусь, что пьеса готова, уверяю тебя тысячу раз; если не прислал до сих пор, то потому только, что переписываю слишком медленно и перерабатываю по обыкновению во время переписки.

Правда, славно сделано?

А знаешь — Нилов — полковник и Анна Львовна — певица поженились. На днях была свадьба. Помнишь мы их встретили в встречном поезде, когда уезжали из Нары?

Будь здоров милый мой, поправляйся и не приезжай в Москву. Потерпи эту зиму, может лучше будет, тогда видно будет что делать.

Целую тебя и обнимаю

Твоя Оля.

Маша приехала благополучно. Я убивалась, когда слушала про тебя.

Видела вчера Петра Вас. у Мерилиза, говорит что Лизочка, помнишь? совсем умирает и живет у него. Уже не встает.

Сегодня дождь, прохладно. Приносили двух живых перепелов.

Дуся, я приеду в Москву непременно, хоть ты меня зарежь, и приехал бы, если бы не был женат; стало быть, если задавит меня в Москве извожик, то ты не виновата.

Играй хорошо, старательно, учись, дуся, наблюдай, ты еще молодая актриса, не раскисай пожалуйста. Бога ради!

Мыл голову (писал ли я тебе?), но у меня жидкость не пенилась. Вероятно, много воды взял.

Вчера была Срединка. У Леонида Вал. нефрит, появились на лице отеки. Он в большом беспокойстве, очевидно, так как все время глядит, сколько у него белка.

Обнимаю мою радость. Господь с тобой, будь покойна и весела.

Твой А.

1. Опасения Чехова отчасти оправдались: цензор исключил в пьесе два места в монологах Пети Трофимова: «У всех на глазах рабочие едят отвратительно. спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате»; «Владеть живыми душами — ведь это переродило всех вас, живших раньше и теперь живущих, так, что ваша мать, вы, дядя уже не замечаете, что вы живете, в долг, на чужой счет, на счет тех людей, которых вы не пускаете дальше «передней». Вторую купюру Чехов заменил новым текстом.

95. О. Л. КНИППЕР — к А. П. ЧЕХОВУ

9 окт[ября 1903 г. Москва], утро.

Снег, крыши белые, мокро... Звуки метлы по асфальту через открытую форточку. На улицах мокрая грязь, слякоть, ежащиеся фигуры от пронизывающей сырости, со страхом смотрящие на экипажи на шинах. Толпа противная, будничная, без пятен. Ух как гадко в Москве [...]. Газеты считаешь еще серее на душе сделается. Сегодня напр. о народном образовании, по поводу выставки в Ярославле. Цифры посмотришь и скучно.

Я рада 12-го играть Три сестры. Ужасно рада, а то как то тоскливо в театре, нет свежести, нет новых чувств. Ты опять скажешь что я ненасытная. Может быть. Да уж я такая. Не могу сидеть, не волнуясь и платонически относиться ко всему. Это вероятно признак души довольно паршивенькой, не глубокой. Правда?

А ведь ты один считаешь меня за несдержанную, в глазах всех я — сдержанный человек. А если я и стала кипятивая к старости, то это оттого что в молодости я относилась к жизни философски, т. е. меня звали даже Кантом, не кипятилась а спокойно и довольно равнодушно смотрела на жизнь, как она проходила мимо меня, не задевая меня. Видишь ли, то что должно было быть в молодости, пришло ко мне

на склоне жизни. А ведь я чувствую что ты не любишь когда человек так много говорит о себе как я. Ты вот никогда о себе не говоришь, но не думай что я это высоко ценю; т. е. по отношению к себе — я бы хотела чтобы ты много говорил о себе. Затмение нашло — не могу фразу состряпать. Но ты понял? или нет?

Пойду сегодня гулять с Шнапом, пойду к Эле посмотреть ее таксика, а потом к Ольге Мих. хочу через Вишневого похлопотать о ее муже, т. е. о повышении. Вишневский знаком с главным акцизником и сам вызвался помочь если можно.

«На дне» идет отвратительно у нас. Расклеилось. Горький ругался. У меня в уборной очень уютно стало. Я переставила мебель.

Зубы мои портятся с необычайной быстротой. Надо копить деньги на челюсти. Бедный муж! Вчера обедал у нас Бунин. Был Сытин; я заходила к нему и не застала. Взялся поместить заметку о Медиц. инст. Говорил что с Русской мыслью все благополучно. Я просила его подробно написать тебе обо всем. Может быть Соболевскому просто отнести составленную Куркиным заметку и попросить поместить или сам составит?

Целую тебя и обнимаю мой дорогой.
Твоя Оля.

96. А. П. ЧЕХОВ — к О. Л. КНИППЕР

10 окт[ября 1903 г. Ялта].

Здравствуй, лошадка. Сегодня от тебя писем нет, я горжусь, значит я исправнее тебя. Здоровье мое сегодня недурно, даже отменно хорошо, кашляю мало и туда совсем не ходил. Пьесу переписываю в другой раз и пришлю непременно через три дня, о чем уведомлю телеграммой.

Сегодня был Костя; он вчера сидел долго в ресторане и записывал миллиардные выражения для моей пьесы¹.

Будь покойна, все благополучно.

Целую мою голубку. Читал, что Брута вместо Станиславского будет играть Лужский. Зачем это? Хотите, чтобы сборы съехали на 600 р.? Для Лужского я написал подходящую роль². Роль коротенькая, но самая настоящая.

Пупсик мой, обнимаю.

Твой А.

1. Гаев в «Вишневом саде» то-и-дело в разговоре употребляет термины миллиардной игры: «От шара направо в угол», «Режу в среднюю» и т. д.

2. Чехов первоначально предназначал для Лужского роль Епиходова, в конце концов порученную И. М. Москвину.